

ЭЙГОЛОГИЯ

✦ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ✦

Власть меняется, эйги — нет

Второй сборник лёгких рассказов

Короны меняются —
эйги остаются

Марина Киреника

Марина Киреника

**Эйгология. Альтернативная
история. Сборник
лёгких рассказов - 2**

«Автор»

2026

Киреника М.

Эйгология. Альтернативная история. Сборник лёгких рассказов - 2
/ М. Киреника — «Автор», 2026

Второй сборник «Эйгология. Альтернативная история» посвящён эйгам во власти. Короли, императоры, полководцы — люди, которым судьбой было позволено больше, чем другим. Поэтому их характер проявлялся особенно ярко: в решениях, ошибках, амбициях, страхах, любви и борьбе за контроль. Но не стоило писать о людях и делах прошлого, если бы всё это не было так похоже на настоящее. История для читателя становится лабораторией человеческой природы: наблюдая за теми, кто менял законы, границы, религии и судьбы целых народов, мы учимся лучше понимать, почему люди и сегодня поступают именно так, а не иначе. Времена меняются. Масштаб последствий — тоже. А эйги остаются всё теми же.

© Киреника М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 1. Король Лир, задайте другой вопрос.	5
Расс	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Киреника

Эйгология. Альтернативная история. Сборник лёгких рассказов - 2

Рассказ 1. Король Лир, задайте другой вопрос.

Фанфик по Шекспиру. Альтернативная история о том, как далеко может завести ошибка в понимании близкого человека — и какую бездну можно обойти, если вовремя увидеть его природу. Эйгология оставляет людей теми же, зато меняет судьбу. Эпизод первый. Конкурс любви

В старой Британии эйгологию знали давно.

Не все, разумеется, пользовались этим знанием разумно. Короли особенно.

Придворные портные как правило разбирались в эйгах лучше государственных советников: им достаточно было один раз увидеть человека, чтобы понять, чего ему нельзя предлагать, а что он наденет прежде, чем успеет спросить цену.

Поэтому три дочери короля Лира вошли в Большой зал именно так, что всем было ясно: принадлежали они не только к одной семье, но и к трём совершенно разным породам людей.

Старшая, **Гонерилья, Рюга**, была в густом винном бархате.

Ничего случайного.

Высокий воротник удлинял шею, золотой пояс собирал фигуру, тяжёлые рукава заставляли двигаться медленнее и потому заметнее. Даже драгоценностей было ровно столько, сколько требовалось, чтобы взгляд собеседника задержался там, где Гонерилье было нужно.

Рюги не просто входят в комнату.

Они довольно быстро понимают, **где в этой комнате находится режиссёрское кресло.**

Если кресло занято, это временная неприятность.

Гонерилья ещё не была королевой. Но вела себя так, будто вопрос находился на рассмотрении.

Рядом стояла **Регана — Бьёргунарм**, и ошибиться в ней было почти невозможно.

Тёмно-зелёное платье сидело плотно, почти по-военному. Волосы собраны идеально, чтобы ни одна прядь не мешала движению; тонкая золотая цепь на поясе напоминала скорее перевязь, чем украшение.

Регана была красива той красотой, которую человек обычно замечает за секунду до того, как понимает: спорить не хочется.

Она терпеть не могла сложных обходных путей.

Если дверь закрыта — её открывают.

Если дверь не открывается — вышибают.

Если человек мешает — вопрос рассматривается примерно в той же логике.

Гонерилья предпочитала управлять пространством.

Регана — занимать его.

Они прекрасно дополняли друг друга и именно поэтому с детства едва выносили необходимость признавать родство.

Третья сестра стояла чуть в стороне.

Корделия. Скинанди.

На ней было светлое серо-голубое платье, расшитое по рукавам серебряной нитью. Ткань была великолепной, крой безупречным, но в одежде Корделии отсутствовало главное придворное качество: она ничего не доказывала.

Скинанди вообще плохо чувствуют себя там, где правду предлагается заменить подходящей формой. Особенно если форма оплачивается королевством.

Корделия была младшей. И любимой.

Два обстоятельства, сочетание которых обычно кажется счастливым только людям, никогда не воспитывавшим трёх дочерей.

А потом вошёл **Лир**.

И сразу стало понятно, откуда у дочерей такая внешность.

Король был **Глазилегюром**.

Изысканный. Изящный.

Высокий, стройный, удивительно лёгкий в движениях. Серебро в волосах почти не старило его — скорее придавало лицу ту законченность, которой молодости часто не хватает. Издали он и вовсе казался ровесником собственных дочерей, и приезжие послы иногда невольно искали глазами настоящего старого короля где-нибудь позади него.

Старого короля не было.

Был этот.

В тёмно-синем камзоле тончайшей шерсти, с узкой золотой вышивкой, в короткой мантии, подбитой светлым мехом. Даже корона на нём выглядела не тяжёлой государственной регалией, а ювелирным шедевром, созданным специально для его головы.

Лир умел носить власть красиво. И люди, плохо его знавшие, принимали лёгкость за мягкость.

Это была ошибка.

За изяществом Глазилегюра скрывался **стальной стержень** человека, десятилетиями привыкшего к тому, что его слово меняет границы, судьбы, браки и иногда количество голов на плечах.

Он любил красивое.

Красивые лица.

Красивых лошадей.

Красивое оружие.

Красивые жесты.

И особенно — красиво выраженные чувства.

Вот последнее обстоятельство в тот день и оказалось самым опасным.

Перед королём на массивном дубовом столе лежала карта Британии.

Тоже красивая.

Моря были выведены дорогим ультрамарином, леса обозначены крошечными зелёными деревьями, замки выписаны до башенок, реки покрыты серебром. Через карту уже прошли три тонкие красные линии.

Королевство было приготовлено к разделу.

Оставалось решить, **кто какую часть заслужит**.

На нижней ступени трона сидел Шут.

Он единственный был одет почти безо всякой логики: серо-синий камзол, полосатые чулки, колпак с серебряными бубенцами и совершенно неприлично дорогие сапоги.

Шут был **Форнтом**.

Поэтому дорогие сапоги никто не мог объяснить.

Включая его самого.

Он сидел, положив подбородок на кулак, и смотрел не на дочерей, не на карту и даже не на короля.

На три красные линии.

Форнтовы вообще чрезвычайно раздражают выводы, сделанные до того, как задан правильный вопрос.

Лир подошёл к столу.

Придворные стихли.

Он обвёл зал взглядом и улыбнулся.

Ему нравился этот момент.

Тишина, десятки лиц, направленных на него, три дочери перед троном, огромная карта под рукой — всё сложилось в прекрасную композицию.

Глазилегюр внутри него был совершенно доволен.

— Мы приняли решение, — произнёс Лир. — Пришло время освободить себя от забот управления и разделить владения между нашими дочерьми.

Шут поднял голову.

— От забот управления?

Лир посмотрел на него.

— Именно.

— А управлять после этого тоже перестанете?
По залу прошёл слабый шорох.
Король прищурился.
— Тебя спрашивали?
— Пока нет.
— Тогда молчи.
— Это заметно упростит сегодняшний Совет.
Лир отвернулся.
Он давно научился не казнить Шута за первые три фразы. Или даже за четыре.
— Мы разделим королевство согласно любви наших дочерей к нам.
Шут медленно снял колпак.
Посмотрел внутрь.
Потом снова надел.
Корделия заметила.
— Что? — почти беззвучно спросила она.
— Проверял, — так же тихо ответил он.
— Что?
— Не оставил ли там разум.
Лир продолжал:
— Пусть каждая скажет, насколько велика её любовь. И чем больше окажется любовь —
тем щедрее будет наша доля.
Корделия побледнела.
Гонерилья едва заметно расправила плечи.
Регана посмотрела на сестру.
Шут прикрыл глаза.
Вот теперь всё встало на свои места.
Рюге предложили выступление.
Бьёргунарму — соревнование.
Скинанди — торговать правдой.
А Глазилегюр собирался судить по красоте формы.
Для большой трагедии этого было уже почти достаточно.
— Гонерилья, — сказал Лир.
Старшая дочь вышла вперёд.
Разумеется, она была готова.
Рюга, не подготовившаяся к публичной сцене, — явление почти такое же редкое, как
трезвый менестрель после королевской свадьбы.
Гонерилья подняла лицо к отцу.
И зал оказался у неё в руках.
— Государь и отец мой...
Шут тихонько застонал.
Лир услышал.
— Что опять?
— Ничего, государь.
— Тогда почему ты стонешь?
Шут посмотрел на него.
— Потому что уже знаю, кто выиграет.
Эпизод второй. Сколько стоит любовь?
Гонерилья остановилась ровно там, где свет из высокого окна касался её лица и золотой
нити на воротнике.

Шут заметил.

Лир — нет.

Вернее, заметил другое: как прекрасна его дочь.

— Государь и отец мой, — начала Гонерилья негромко.

Говорить громко ей не требовалось. Через три слова весь зал уже был только её.

— Я люблю вас больше, чем можно любить глазами, потому что зрение можно потерять.

Больше свободы, потому что свободой можно пожертвовать. Больше богатства, почестей, здоровья...

Лир чуть улыбнулся.

Гонерилья увидела улыбку.

И прибавила ровно столько, сколько требовалось.

— Мне не дорого ничего, что существует отдельно от вас. Ни радость, ни покой, ни сама жизнь, если в ней не будет вашего благословения.

Шут повернул голову к её мужу.

Герцог Альбанский смотрел на супругу с неподдельным интересом.

По всей видимости, некоторую часть этой информации он тоже слышал впервые.

— Я не знаю слов, — закончила Гонерилья, — достаточно больших для моей любви.

Она опустила глаза.

Очень красиво.

Лир сиял.

— Подойди.

Он провёл ладонью по карте.

Красная линия пересекала леса, реки, города.

— От северного побережья до этих земель — твоё. Со всеми замками, доходами и правами.

Гонерилья склонилась перед ним.

И только Шут заметил, что первым её взглядом после отцовского лица была **карта**.

Он тихо звякнул одним бубенцом.

— Что? — спросил Лир.

— Ничего. Проверяю цену слова «ничего».

— Замолчи.

— Уже дорожает.

Лир повернулся ко второй дочери.

— Регана.

Регана выступила вперёд.

Она не была Рюгой и не собиралась устраивать спектакль.

Но была Бьёргунармом.

А Бьёргунармы крайне не любят проигрывать соревнования, даже если только что узнали, что участвуют.

Тем более сестре.

Регана посмотрела на Гонерилью.

Гонерилья ответила спокойным взглядом.

Между ними за одну секунду произошло всё то, для чего менее родственным женщинам иногда требуется полноценная война.

Потом Регана повернулась к отцу.

— Сестра сказала хорошо.

Уголок рта Гонерильи дрогнул.

— Но недостаточно.

Теперь дрогнул уже второй.

Регана продолжила:

— Всё, что она назвала, для меня слишком мало. Я не могу поставить рядом с любовью к вам ни здоровье, ни свободу, ни супруга, ни детей, которых ещё не родила. Я отдала бы всё.

Она говорила гораздо проще сестры.

Зато каждое слово падало на пол, как металлический предмет.

— Если понадобится моя жизнь — возьмите.

Шут поднял голову.

Вот этому он поверил.

Регана действительно могла.

Проблема заключалась лишь в том, что столь же охотно она могла предложить и чужую.

— Я не нахожу удовольствия ни в чём, — закончила она, — кроме вашей любви.

Лир был тронут.

Гонерилья — раздражена.

Корделия — потрясена.

Шут — заинтересован.

— Вторая часть королевства твоя, — произнёс Лир.

Регана склонилась.

Теперь две трети Британии имели хозяек.

Корделия посмотрела на карту.

Ей вдруг показалось, что они только что продавали не землю.

Что-то другое.

Гораздо более дорогое.

— А теперь ты, — сказал Лир.

Он улыбнулся младшей дочери.

И в улыбке этой было столько уверенности, что Корделии стало страшно.

Лир любил её больше сестёр.

Все это знали.

Гонерилья.

Регана.

Двор.

Корделия.

Сам Лир.

Именно поэтому он оставил её напоследок.

Лучший выход всегда должен завершать представление.

— Что скажет наша младшая дочь? — спросил он. — Та, чья любовь, надеюсь, окажется достойна самой прекрасной части нашего королевства?

Корделия молчала.

Скинанди не боятся правды.

Но иногда прекрасно понимают, какую цену за неё придётся заплатить.

— Корделия?

Она подняла глаза.

— Мне нечего добавить, государь.

Лир не сразу понял.

— Нечего?

— Да.

В зале стало тихо.

— Твои сёстры только что сказали...

— Я слышала.

— Так скажи ты.

Корделия посмотрела на сестёр.
Потом снова на отца.
— Я люблю вас.
Лир ждал.
— И?
— И всё.
Гонерилья медленно опустила ресницы.
Регана перестала дышать.
Шут прикрыл лицо ладонью.
Не от стыда.
От предчувствия.
— Всё? — переспросил Лир.
— Я ваш ребёнок. Вы мой отец. Я обязана вам жизнью, воспитанием, именем. Я люблю вас так, как дочь должна любить отца.
— Должна?
Это слово ему не понравилось.
— Да.
— И это всё, что ты можешь сказать мне сегодня?
Корделия нахмурилась.
Она действительно пыталась понять, чего от неё хотят.
— А что ещё было бы правдой?
Вот здесь Глазилегюр в Лире получил первый удар.
Не король.
Не отец.
Именно Глазилегюр.
Потому что две старшие дочери только что создали для него прекрасную форму любви.
А любимая младшая взяла и словно сказала: **форма ничего не значит**.
— Значит, твои сёстры лгут?
Корделия замерла.
— Я этого не сказала.
— Но ты не любишь меня так, как они?
— Я не знаю, как любят они.
Прекрасный ответ.
Если ваша цель — сохранить истину.
Катастрофический — если перед вами оскорблённый король.
Лир шагнул к ней.
— Тогда скажи, как любишь ты.
Корделия почувствовала, что зал исчез.
Остался только отец.
И странный, унижительный торг, в который он почему-то втянул самое дорогое.
— Я выйду замуж, — сказала она. — И если полюблю мужа, часть моей любви будет принадлежать ему. Иначе зачем мне муж? Если я отдам вам всё, как сказали мои сёстры, что останется человеку, с которым я проживу жизнь?
Альбанский снова посмотрел на Гонерилю.
На этот раз уже задумчивее.
Корнуолл — на Регану.
Регана это заметила.
— Довольно! — сказал Лир.
Корделия замолчала.

Он побледнел.

Красивые люди особенно страшны в гневе.

Лир не кричал.

Голос стал тише.

— Ты знала, что сегодняшний день решит твою судьбу?

— Да.

— Знала, что я оставил тебе лучшую часть?

Корделия посмотрела на карту.

— Нет.

— Теперь знаешь.

Он схватил перо.

Шут поднялся.

Но пока ничего не сказал.

— То, что предназначалось тебе, — продолжил Лир, — будет разделено между теми, чья любовь оказалась больше.

Гонерилья не двинулась.

Регана тоже.

Только обе одновременно посмотрели на карту.

Корделия побледнела.

— Отец...

— Государь.

Она вздрогнула.

Шут медленно повернул голову.

Это уже было серьёзно.

— Сегодня ты выбрала правду? — спросил Лир.

— Да.

— Получишь её целиком. Без земли. Без приданого. Без моего покровительства.

Он опустил перо к пергаменту.

Ещё одно движение — и судьба Корделии была бы записана.

Шут посмотрел на перо.

Потом на Лира.

Потом на трёх дочерей короля.

И впервые за утро перестал улыбаться.

Эпизод третий. А тем временем — у Глостера...

В другом крыле замка ничего красивого не происходило.

У графа Глостера вообще красота считалась приятным, но не обязательным свойством вещей.

Главным было, чтобы всё **работало**.

Его кабинет выглядел соответственно.

Тёмные дубовые панели. Прочные шкафы. Сундук с документами. Три связки ключей на отдельном крючке. Счётные книги на нижней полке, договоры — на верхней, письма — в ларце справа.

Ни одна бумага не лежала просто так.

Даже чернильница стояла внутри маленького кожаного подноса, чтобы случайная капля не испортила стол.

Глостер был Софнуом.

Ему нравился мир, в котором каждому предмету отведено место, каждому человеку — положение, каждой проблеме — порядок действий.

Он считал себя счастливым отцом.

У него было два сына.

Один законный.

Один незаконный.

В голове Глостера эта неприятная подробность давно была аккуратно уложена в соответствующую ячейку и потому более не требовала размышлений.

Эдгарнаследует имя, земли и титул.

Эдмундполучает достойное содержание, образование, положение при дворе и благодарность отцу за великодушие.

Всё правильно.

Глостер был в этом совершенно уверен.

Софнуны особенно уязвимы именно там, где уверены, что система уже выстроена.

У окна стоял Эдмунд.

И думал ровно об этом.

Он был одет гораздо проще старшего брата: чёрный камзол без дорогой вышивки, узкий кожаный пояс, высокие сапоги. Никакой демонстративной роскоши.

Она ему пока не принадлежала.

Эдмунд был Фрейстанди.

А Фрейстанди очень трудно объяснить, почему нечто прекрасное и достижимое должно принадлежать другому просто потому, что тот появился на свет немного раньше и при более удачно оформленных обстоятельствах.

Эдмунд не страдал от своего положения.

Он собирался его изменить.

Это разные вещи.

На столе лежал лист бумаги.

Ещё влажные чернила блестели после подписи.

Эдмунд перечитал.

Улыбнулся.

Сложил.

Развернул.

Снова сложил.

Для любого другого человека письмо выглядело бы достаточно убедительно.

Для Софнуна оно должно было выглядеть **безупречно**.

Дверь открылась.

Эдмунд мгновенно сунул письмо за пояс.

Вошёл Глостер.

На нём был плотный коричневый камзол, застёгнутый на все крючки до последнего, меховой жилет и цепь с печатью.

Его внешний вид сообщал миру, что в этом доме счета оплачиваются вовремя.

— Ты здесь?

— Да, отец.

— Что прячешь?

Эдмунд чуть замешкался.

Ровно настолько, чтобы замешательство заметили.

Но не настолько, чтобы оно выглядело намеренным.

— Ничего.

Глостер остановился.

Слово «ничего» в тот день вообще оказалось чрезвычайно опасным.

— Покажи.

— Это неважно.

— Тогда почему спрятал?
Эдмунд вздохнул.
— Я предпочёл бы этого не делать.
Глостер протянул руку.
— Эдмунд.
Пауза.
Эдмунд достал письмо.
— Я нашёл его случайно.
— Где?
— Здесь.
— Здесь где?
— Среди бумаг Эдгара.
Глостер взял лист.
Прочёл первую строку.
Лицо его изменилось.
Эдмунд отвернулся к окну.
Очень правильно отвернулся.
Фрейстанди, решивший сыграть спектакль, редко переигрывает.
Он не Рюг.
Ему нужен результат, а не удовольствие от постановки.
— Что это?
— Не знаю.
— Ты читал?
— Несколько строк.
Глостер продолжил читать.
Письмо рассуждало о старости.
О том, что молодые слишком долго ждут своего часа.
О том, что имущество могло бы приносить больше пользы в руках наследника.
И очень осторожно — так, чтобы мысль нельзя было назвать прямым призывом, — о том, как просто иногда помочь природе сделать то, что она всё равно собиралась сделать.
Глостер сел.
— Почерк Эдгара.
— Похож.
— Это его почерк.
Эдмунд молчал.
— Печать тоже.
— Да.
— Он желает моей смерти?
Эдмунд быстро повернулся.
— Отец, я этого не говорил.
Великолепно.
Глостер сам произнёс главное.
Теперь человеку редко требуется помощь, чтобы поверить собственной формулировке.
— Где он?
— Не знаю.
— Ты видел его сегодня?
— Утром.
— Он что-нибудь говорил?
Эдмунд медленно покачал головой.

— Был странным.
— Станным как?
— Я не придавал значения.
Глостер встал.
— Говори.
— Спросил... как вы себя чувствуете.
Глостер побледнел.
Эдмунд внутренне отметил успех.

Иногда для разрушения семьи достаточно поставить правильное ударение в совершенно невинной фразе.

— И ещё?
— Спрашивал о завещании.
— О завещании?!
— Отец...
— Зови его.
— Я бы не стал.
— Почему?

Эдмунд посмотрел прямо на него.
— Если письмо настоящее, лучше сначала понять, чего он хочет.
Глостер сжал лист.
— Я знаю, чего он хочет!
Эдмунд опустил глаза.
Всё шло хорошо.
Даже слишком.

Эдгар в это время находился во дворе и спорил с конюшим.
Спор касался лошади.
То есть предмета, действительно достойного внимания.

Эдгар был светлым Бьёргунармом.

Высокий, крепкий, широкоплечий, он выглядел так, будто сложные жизненные вопросы предпочитал решать верхом, а совсем сложные — спешившись и засучив рукава.

Он носил тёмно-синий охотничий камзол, поцарапанный на плече веткой, кожаные перчатки и старый ремень, который отец уже трижды требовал заменить.

Эдгар не заменял.
Ремень был хороший.

У Бьёргунармов есть странная привязанность к вещам, которые доказали свою пригодность.

И к людям тоже.
— Она не хромает, — говорил Эдгар.
— Хромает, милорд.
— Не хромает.
— Вы посмотрите на левую заднюю.
— Я смотрю.
— Тогда почему не видите?
Эдгар присел возле ноги лошади.
— Потому что ты показываешь не ту.
Конюший посмотрел.
— А.
— Вот именно.

Из дверей вышел Эдмунд.

— Эдгар.

Тот поднял голову.

— Ты вовремя. Скажи ему, что эта кобыла не хромает.

Эдмунд посмотрел на брата.

На секунду в лице его промелькнуло нечто почти человеческое.

Брат доверял ему совершенно.

Это осложняло задачу.

Но не меняло её.

— Нам надо поговорить.

Эдгар встал.

— Что случилось?

— Отец в ярости.

— На кого?

— На тебя.

Эдгар рассмеялся.

— За что на этот раз?

— Я серьёзно.

— Я тоже. Что я сделал?

Эдмунд посмотрел по сторонам.

— Лучше уйди отсюда.

Эдгар перестал улыбаться.

— Почему?

— Он считает, что ты замышляешь против него.

— Что?

— Не сейчас.

— Нет. Сейчас.

Вот это тоже было очень по-бьёргунармски.

Эдмунд вздохнул.

— Он нашёл письмо.

— Какое письмо?

— Якобы твоё.

— Якобы?

— Эдгар, пожалуйста. Просто уходи.

— Где отец?

— Я сказал: уходи.

Эдгар шагнул к двери.

Эдмунд схватил его за руку.

— Не ходи!

Эдгар посмотрел на руку.

Потом на брата.

— Убери.

Эдмунд убрал.

— Он не станет тебя слушать.

— Это мой отец.

— Именно поэтому.

Эдгар не понял.

Люди вроде Эдмунда всегда были для него самой сложной частью человеческого устройства.

Если брат говорит «отец хочет тебя арестовать», Бьёргунарм слышит не «беги».
Он слышит: **отцу плохо, надо идти.**

— Я поговорю с ним.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

И пошёл.

Эдмунд смотрел ему вслед.

План внезапно потребовал поправки.

Он ненавидел поправки.

Глостер встретил сына в кабинете.

За спиной отца стояли двое стражников.

Эдгар остановился.

Теперь даже он понял, что ситуация несколько серьезнее обычной семейной ссоры.

— Отец?

Глостер бросил письмо на стол.

— Это твоё?

Эдгар взял.

Прочитал.

Поднял глаза.

— Нет.

— Почерк твой.

— Похож.

— Печать твоя.

Эдгар посмотрел внимательнее.

— Где вы это взяли?

— Неважно.

— Очень важно.

— Ты спрашивал о моём завещании?

Эдгар помолчал.

— Да.

Глостер отшатнулся.

— Значит...

— Потому что вы обещали земли возле реки и забыли, какие именно.

— Ты спрашивал о моём здоровье?

— Каждый день спрашиваю!

Глостер смотрел на него.

Все факты существовали.

Все стояли на своих местах.

И все вместе создавали чудовищную картину.

Для Софнуна это было практически неоспоримо.

— Отдай меч.

Эдгар не поверил.

— Что?

— Меч.

— Вы думаете, я хочу вас убить?

— Я не знаю, чего ты хочешь.

Это было худшее, что отец мог сказать Эдгару.

Он медленно расстегнул перевязь.

Положил меч на стол.
— Теперь знаете.
Глостер посмотрел на оружие.
— Возьмите, — сказал Эдгар. — Хотите — заприте меня. Но прежде скажите, кто принёс письмо.
В дверях появился Эдмунд.
Эдгар повернулся.
И всё понял.
Не доказательства.
Не план.
Только одно.
— Ты?
Эдмунд остановился.
Глостер перевёл взгляд с одного сына на другого.
— Что «ты»?
Эдгар шагнул к брату.
Стражники двинулись.
— Стоять! — приказал Глостер.
Эдгар остановился.
Но лицо его уже стало другим.
— Ты нашёл письмо?
Эдмунд ответил тихо:
— Да.
— Где?
— В твоих вещах.
— Врёшь.
— Эдгар!
— Он врёт!
— Довольно!
Глостер ударил ладонью по столу.
Чернильница подпрыгнула внутри своего кожаного подноса.
Это было почти землетрясение.
— Взять его.
Стражники подошли к Эдгару.
Эдгар не сопротивлялся.
Пока.
Но по тому, как напряглись его плечи, было понятно: «пока» может оказаться чрезвычайно коротким.
Эдмунд молчал.
Глостер держал письмо.
Двое стражников держали Эдгара.
И в этот момент дверь открылась.
На пороге стоял Шут.
Он посмотрел на письмо.
На стражников.
На Эдгара.
На Эдмунда.
Потом на Глостера.
— О, — сказал он. — И у вас тоже.

— Вон, — сказал Глостер.

— Кому?

— Тебе.

— Тогда плохо.

Шут вошёл и закрыл дверь.

— Я как раз пришёл за вами.

— Зачем?

— Король собирается разрушить семью.

Глостер мрачно усмехнулся.

— Не он один.

Шут снова обвёл глазами комнату.

— Вот поэтому и плохо. Два случая за утро — уже перебор.

Эпизод четвёртый. Задайте другой вопрос

Лир всё ещё стоял в Большом зале.

Перо было у него в руке.

Корделия — перед ним.

Гонерилья и Регана ждали.

Двор тоже.

Шут вернулся быстро.

За ним неожиданно появился Глостер.

— Государь, — сказал Шут.

Лир даже не поднял головы.

— Поздно.

— Тогда я коротко.

— Ты вообще умеешь молчать?

— Нет.

Лир опустил перо.

— Что тебе нужно?

Шут подошёл к столу.

Посмотрел на незаполненную строку, которой предстояло лишить Корделию наследства.

— Ответ.

— На что?

— На другой вопрос.

Лир сжал губы.

— Опять твои вопросы.

— Первый был ваш. Мы видим результат.

В зале все осторожно перестали дышать.

Шут повернулся к Гонерилье.

— Если завтра король перестанет быть королём, вы возьмёте его к себе?

— Разумеется.

— Со свитой?

— Конечно.

— Сто рыцарей.

Пауза.

— Если это будет необходимо.

— Полгода.

Гонерилья посмотрела на отца.

— Следует установить разумный порядок.

Шут кивнул.

— Уже меньше любви.
— Что ты себе позволяешь?
— Считаю.

Он повернулся к Регане.

— У вас?
— Отец всегда найдёт место в моём доме.
— Сто рыцарей?
— Они будут соблюдать правила.
— Если не будут?
— Заставлю.
— Если король не позволит?

Регана прищурилась.

— Тогда решим.

— Как?

— По обстоятельствам.

Шут удовлетворённо кивнул.

— Прекрасно.

Регана шагнула вперёд.

— Ты издеваешься?

— Нет. Именно сейчас впервые слышу правду.

Лир поднял голову. В глазах не было прежней уверенности...

Шут повернулся к Корделии.

— А вы?

— Что я?

— Король стар. Короны нет. Власти нет. Денег меньше, чем привык. Сто рыцарей. Плохое настроение. Привычка командовать вашим домом. Что делаете?

Корделия подумала.

— Приготовлю комнаты.

— Сто?

— Нет. Столько комнат у меня не будет.

В зале кто-то кашлянул.

— Остальных размещу поблизости.

— Они пьют.

— Погреб запру.

— Король будет сердиться.

— Пусть.

Лир вскинулся.

— Вот как?

Корделия посмотрела на него.

— Конечно. На меня. На кого же ещё?

— И что потом?

— Потом усажу за стол и вы поедите.

Шут чуть улыбнулся.

— Почему?

— Потому что когда отец сердит, он забывает поесть.

Лир замер.

Это была мелочь.

Унизительно маленькая.

И потому настоящая.

Гонерилья говорила о жизни.
Регана — о смерти.
Корделия знала, что отец забывает обедать, когда зол.
Шут подошёл к Лиру.
— Теперь другой вопрос, государь.
— Какой?
— Кто из них вас любит?
Лир посмотрел на дочерей.
Впервые за всё утро — не как король.
Гонерилья стояла идеально.
Регана — прямо.
Корделия — бледная, упрямая и совершенно не умеющая спасать себя красивыми словами.
— Это нечестно, — сказал Лир.
Шут улыбнулся.
— Правда редко заботится о манерах.
Лир посмотрел на перо.
И положил его.
Гонерилья первой поняла, что произошло.
— Отец...
Лир поднял ладонь.
— Нет.
— Но вы обещали...
— Вот это уже интересно.
Он медленно повернулся к ней.
— Ты любила меня больше жизни минут десять назад.
Гонерилья молчала.
— А сейчас тебя беспокоит недвижимость.
Шут тихо сказал:
— Любовь вообще быстро дешевеет после оглашения завещания.
— Молчи.
— С удовольствием.
Лир посмотрел на Корделию.
Очень долго.
— Подойди.
Она подошла.
— Ты могла сказать красивее.
— Могла.
— Почему не сказала?
Корделия пожала плечами.
— Потому что это было бы неправдой.
Лир прикрыл глаза.
Глазилегюр в нём страдал.
Отец — уже нет.
— Ты ужасная дочь.
— Знаю.
— Нет. Не знаешь.
Он неожиданно коснулся её щеки.
— Иди сюда.

Корделия обняла его.
Совсем не театрально.
Шут отвернулся.
Иногда даже Форнтам следует знать меру.
— Значит, королевство не делим? — спросила Регана.
Лир поднял голову от плеча младшей дочери.
И стальной стержень вернулся на место.
— Делим.
Сёстры насторожились.
— Но не сегодня.
Шут улыбнулся.
— Очень хорошо.
— Почему?
— Вы впервые решили сначала посмотреть, кому что даёте.

Глостер надеялся уйти тихо.
Не получилось.
— Стойте, — сказал Шут.
Граф обернулся.
— Что ещё?
— Теперь ваш случай.
— У меня нет случая.
— У вас старший сын под стражей.
Лир поднял брови.
— Что?
Глостер помрачнел.
— Семейное дело.
— Сегодня это заразно, — сказал Шут.
Эдгара привели.
Эдмунд пришёл следом.
Шут поставил обоих братьев рядом.
Это выглядело почти неприлично наглядно.
Эдгар — высокий, взъерошенный, с расстёгнутым воротом и яростью, которую он едва удерживал.
Эдмунд — собранный, спокойный, без единой лишней складки на чёрном камзоле.
Бьёргунаарм и Фрейстанди.
Один привык идти прямо.
Другой — туда, куда решил попасть.
Разница невелика, пока между человеком и целью нет препятствия.
Потом становится огромной.
— Письмо, — сказал Шут.
Глостер протянул его.
Лир прочитал.
— Скверно.
— Почерк Эдгара, — сказал Глостер.
— Нет, — сказал Эдгар.
— Печать его.
— Украли.
— Он спрашивал о завещании.

— Спрашивал.
— О моём здоровье.
— Да!
Глостер развёл руками.
— Вот!
Шут посмотрел на него.
— Что «вот»?
— Всё сходится.
— У Софнуна?
Глостер нахмурился.
— Причём здесь мой эйг?
— При всём.
Шут поднял письмо.
— Вам дали систему. Почерк. Печать. Вопрос о завещании. Вопрос о здоровье. Четыре аккуратных факта.
Он положил письмо на стол.
— И вы испытали счастье.
— Счастье?!
— Софнунское. Когда всё объясняется.
Глостер побагровел.
— Мой сын хочет моей смерти!
— Возможно.
Шут посмотрел на Эдгара.
— Хотите?
— Нет!
— Очень содержательно.
— А что ещё отвечать?!
— Ничего. Я уже почти закончил.
Он повернулся к Глостеру.
— Вы правда считаете, что **этот человек**будет убивать вас письмом?
Глостер посмотрел на сына.
— Что ты имеешь в виду?
— Эдгар — Бьёргунарм.
— Я знаю.
— Нет. Вы знаете слово.
Шут подошёл к Эдгару.
— Представим: вы решили, что отец зажился слишком долго.
— Что?!
— Представили.
— Нет!
— Постарайтесь. Это полезно для образования.
Эдгар сжал челюсть.
— Хорошо.
— Хотите получить наследство. Что будете делать?
— Ничего.
— Плохо представляете.
— Я не собираюсь...
— Представьте!
Эдгар вспыхнул.

— Да пришёл бы к нему!

Шут повернулся к Глостеру.

— Вот.

— Что «вот»?!

— Дверь.

Лир неожиданно рассмеялся.

Шут продолжил:

— Если Бьёргуна́рм решит вас свергнуть, он не оставит философское письмо о преимуществах раннего наследования. Он войдёт в ваш кабинет.

Эдгар кивнул.

— Да.

— Скорее всего, без стука.

— Скорее всего.

— Скажет: «Отец, так больше нельзя».

— Именно.

— Потом?

Эдгар подумал.

— Будем спорить.

— Громко?

— Скорее всего.

— Стол пострадает?

Эдгар посмотрел на Глостера.

— Если отец начнёт...

— Достаточно.

Шут повернулся к графу.

— Вот ваш сын.

Глостер молчал.

Эдмунд впервые за всё время чуть изменился в лице.

Совсем немного.

Но Шут увидел.

— А письмо, — продолжил он, — написал человек, которому нравится не сила, а **результат**.

Тишина стала другой.

Эдмунд сказал:

— Это обвинение?

Шут повернулся к нему.

— Пока вопрос.

— Тогда задавайте.

— Вы нашли письмо?

— Да.

— Где?

— В комнате Эдгара.

— В прошлый раз вы сказали отцу «среди его бумаг».

Эдмунд замер.

— Это одно и то же.

— Нет.

Форнты вообще неприятные люди, когда дело доходит до слов.

Для них «почти то же самое» — признание в преступлении против реальности.

— Где именно?

— На столе.

— Открытым?

— Сложенным.

— С печатью?

Эдмунд помолчал.

— Да.

— То есть Эдгар написал письмо о намерении ускорить смерть отца, запечатал своей печатью и оставил на собственном столе.

Лир поднял бровь.

Шут задумчиво посмотрел на Эдгара.

— Он Бьёргунарм, конечно. Но не настолько.

Эдгар фыркнул.

Глостер снова взял письмо.

На этот раз не как доказательство.

Как предмет.

Очень интересный перелом происходит с Софнуном, когда система, которой он доверял, вдруг перестаёт быть системой.

Он начинает проверять.

— Эдмунд, — произнёс Глостер.

— Отец.

— Кто ещё видел это письмо?

— Никто.

— Почему?

— Я нёс его вам.

— Почему не спросил Эдгара?

— Я хотел защитить вас.

— От чего?

Пауза.

Эдмунд впервые не нашёл мгновенного ответа.

Эдгар шагнул к нему.

— Брат.

Одно слово.

И в нём было столько боли, что даже Лир перестал улыбаться.

— Зачем?

Эдмунд посмотрел на него.

Вот здесь можно было ещё лгать.

Фрейстанди умеют долго идти к цели.

Но бывают секунды, когда ложь начинает мешать движению.

Эдмунд ненавидел то, что мешает.

— Потому что всё достанется тебе.

Глостер побледнел.

— Что?

Эдмунд повернулся к нему.

Теперь говорил уже без игры.

— Земля. Дом. Имя. Титул. Место рядом с вами. Всё.

— Ты мой сын.

— Когда удобно.

— Эдмунд!

— Я ваш сын без наследства. Ваш сын без имени. Ваш сын, которому с детства объясняют, насколько он любим, прежде чем напомнить, почему ничего не получит.

Глостер отступил.

Эдгар смотрел на брата совершенно ошеломлённо.

— Ты мог сказать мне.

Эдмунд рассмеялся.

— Что?

— Что тебе больно.

— Больно?

Фрейстанди почти оскорбился.

— Я не просил жалости.

— А я не предлагал.

Эдгар подошёл ближе.

— Ты мог сказать: мне нужна земля.

— И ты бы дал?

Эдгар подумал.

— Да.

Теперь замолчал Эдмунд.

Шут посмотрел на Лира.

Лир — на Глостера.

Глостер сел.

— Ты бы отдал ему часть наследства?

Эдгар пожал плечами.

— Он мой брат.

Для Эдгара разговор, видимо, был закончен.

Для всех остальных только начинался.

Шут тихо вздохнул:

— Один отец чуть не потерял хорошую дочь, потому что она плохо сказала.

Он посмотрел на Глостера.

— Другой чуть не потерял хорошего сына, потому что слишком хорошо написано.

Лир медленно сел рядом с картой.

Глостер — рядом с письмом.

Два отца.

Два доказательства.

Красивые слова.

Убедительная бумага.

И оба едва не поверили форме больше, чем людям, которых знали всю жизнь.

Лир посмотрел на Шута.

— И что теперь?

— Теперь?

Шут надел колпак.

Бубенцы тихо звякнули.

— Теперь, государь, можете принимать решения.

— Почему теперь?

— Потому что наконец перестали быть в них уверены.

Лир долго смотрел на него.

— Ты ужасно раздражающий человек.

— Форт.

— Это не оправдание.

— Зато объяснение.
Корделия улыбнулась.
Эдгар засмеялся.
Даже Глостер вдруг коротко фыркнул.
Эдмунд не смеялся.
Гонерилья тоже.
Регана тем более.
И вот это было важно.
Потому что трагедия в тот день **не состоялась**.
Но люди, способные её устроить, никуда не исчезли.
Они просто впервые обнаружили неприятную вещь:
их начали видеть.

Расс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.